

Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики)

Г.А. Гаджиев

ординарный профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук. Адрес: 190000, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Сенатская пл., 1. E-mail: gadg@ksrf.ru

Е.А. Войниканис

доцент, ведущий научный сотрудник Института права и развития ВШЭ-Сколково, доктор юридических наук. 109049, Российская Федерация, Москва, ул. Шаболовка, 28/11, стр. 3. E-mail: evoinikanis@hse.ru

---

Аннотация

Развитие робототехники с использованием искусственного интеллекта цифровую эпоху приобретает новый масштаб и новое качество, что приводит к возникновению как социально-экономических, так и юридических проблем. Особенно актуальной в данном контексте является проблема правосубъектности роботов, которые способны осуществлять самостоятельные действия и адаптироваться к окружающей среде. Резолюция Европарламента о гражданско-правовых нормах, касающихся робототехники (2017) свидетельствует, что проблема имеет не только научное, но и практическое, прикладное значение. В правовой науке истолкование понятия «лицо» различается в зависимости от правового понимания. С точки зрения «узко-реалистического» понимания права робот не может признаваться субъектом права. Напротив, согласно подходу к юридическому миру как к особой и самодостаточной реальности, вопрос о правосубъектности робота является вопросом прагматическим. В статье анализируется история формирования юридического понятия лица и его роль в юридическом концепте мира. Для римских юристов понятие лица (persona) означало, в первую очередь, «маску», т.е. ту или иную социальную функцию человека. При этом юридическое понятие лица и понятие человеческой личности никогда не отождествлялись. Напротив, для европейского права, которое испытывало сильное воздействие философских концепций, характерна проблема смешения понятий лица и человеческой личности. Некритическое восприятие неправовых идей и теорий может стать препятствием для развития права. Только сохраняя свою идентичность, право может играть активную роль в развитии экономики и общества в целом. Таким образом, вопрос о правосубъектности роботов должен решаться на основе всестороннего анализа возможных (экономических и социальных) издержек и выгод. Признание робота субъектом права связано, в первую очередь, с необходимостью более эффективного распределения ответственности. При этом распределение имущественной ответственности направлено на решение не только экономической, но и собственно юридической проблемы, связанной с обеспечением баланса интересов и адаптации права к изменениям социальной реальности.

Гибкость и эластичность гражданско-правовых понятий позволяет сделать вывод, что выбор конкретной модели правосубъектности и распределения ответственности будет зависеть от запросов практики.

Ключевые слова

субъект права, личность, правовая реальность, робот, распределение ответственности, правовой прагматизм, право и экономика

Библиографическое описание: Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.

JEL: K00 УДК: 340

DOI: 10.17323/2072-8166.2018.4.24.48

1. Проблема правосубъектности в контексте цифровой экономики

Еще в 90-е годы прошлого века вопрос, вынесенный в название настоящей статьи, обсуждался преимущественно в научной литературе¹ и не был актуальным с точки зрения правовой практики. Перспективы развития искусственного интеллекта, правомерность его сопоставления с человеческим разумом и даже сознанием были предметом исследования в области компьютерных технологий, кибернетики, когнитивной науки, аналитической философии, но были на периферии юридической науки. Однако становление новой цифровой экономики кардинально изменило ситуацию. Экспоненциальный рост данных стал катализатором для развития технологий искусственного интеллекта и машинного обучения, т.е. таких технологий, которые не просто помогают человеку, являясь пассивным инструментом в его руках, а способны заменить человека, действовать самостоятельно и адаптироваться к окружающей среде. В результате современный мир уже сложно себе представить без роботов² — беспилотных летательных аппаратов («дронов»), самоуправляемых транспортных средств и суперкомпьютеров, оснащенных вопросно-ответной системой искусственного интеллекта (таких, как суперкомпьютер Watson фирмы IBM).

¹ См., напр.: *Solum L.* Legal Personhood for Artificial Intelligences // *North Carolina Law Review*. 1992. Vol. 70. P. 1231; *Fisher J.* Computers as Agents: A Proposed Approach to Revised U.C.C. Article 2 // *Indiana Law Journal*. 1997. Vol. 72. Iss. 2. Art. 13; *Wein L.* The Responsibility of Intelligent Artifacts: toward an Automation Jurisprudence // *Harvard Journal of Law & Technology*. 1992. Vol. 6. P. 103–154.

² Понятие «робот» используется в настоящей статье в общепринятом значении — как устройство, созданное с использованием компьютерных технологий и выполняющее автоматические действия. Поскольку в статье анализируется проблема правосубъектности роботов, то в основном речь будет идти о роботах, разработанных с использованием технологий искусственного интеллекта, обладающих высоким уровнем автономности и способных к самообучению.

Но робототехника не только увеличивает возможности человека, изменяет экономику и качество жизни, она также создает новые проблемы. Так, в 2016 г. с автопилотируемыми автомобилями компании Tesla произошли две аварии со смертельным исходом — одна в США и другая в Китае. В обоих случаях компании удалось избежать ответственности³. После публикации в СМИ информации об авариях с участием автопилотируемых автомобилей компании «Тесла» Илон Маск заявил, что компании-производители не должны нести ответственность за аварии, в которые попадает самоходный автомобиль, подобно тому, как компания-производитель лифтов не должна нести ответственность в каждом случае останова лифта. По всей видимости, Маск имел в виду юридическую идею о том, что в таком случае имущественную ответственность должен нести собственник источника повышенной опасности, а не компания-производитель⁴. Однако если учитывать перспективу массового распространения самоуправляемых автомобилей⁵, вопросы безопасности и особенностей правовой ответственности остаются и становятся все более актуальными. Очевидно, что право уже не может оставаться в стороне. Чем теснее становится взаимодействие между цифровым и материальным миром, чем большим преобразованиям подвергаются экономика и общество в целом, тем более важной становится роль права. Необходимость и значение правового регулирования новых технологий, используемых в цифровой экономике, подтверждается, в частности, тем фактом, что в последние годы активно формируется законодательство, касающееся автопилотируемых автомобилей и дронов⁶.

В контексте развития искусственного интеллекта и робототехники для юридической науки особую актуальность приобретает изучение традици-

---

³ См.: Tesla's Self-Driving System Cleared in Deadly Crash. Available at: <https://www.nytimes.com/2017/01/19/business/tesla-model-s-autopilot-fatal-crash.html> (дата обращения: 31.10.2018); Tesla sued in China over fatal crash. Available at: <https://www.fit.com/content/80c45ad6-7ef0-11e6-bc52-0c7211ef3198> (дата обращения: 31.10.2018)

⁴ Россия одна из первых в Европе и в мире закрепила в ГК РСФСР 1922 г. безвиновную ответственность владельца источника повышенной опасности, и инициатором этого был А.Г. Гойхбарг, один из разработчиков первого советского Гражданского кодекса.

⁵ Разработку моделей автопилотируемых автомобилей, аналогичных автомобилям компании Tesla, анонсировали лидеры мировой автомобильной промышленности, такие как General Motors и Volvo.

⁶ Нормативные акты, регулирующие использование беспилотных летательных устройств, действуют в Канаде, Франции, Германии, Великобритании, Израиле, Японии, Новой Зеландии, Швеции и др. Специальное регулирование беспилотных автомобилей уже принято в США, Великобритании, Германии, Франции, Голландии, Швеции, Дании, Австралии. См. подробнее: Regulation of Drones. The Law Library of Congress, Global Legal Research Center, 2016; At a Glance: Autonomous Vehicles, 25 July 2017. Available at: <https://www.twobirds.com/en/news/articles/2017/global/at-a-glance-autonomous-vehicles>; A Global Race For Autonomous Vehicles: Views From The United States, Europe, And Asia, June 2, 2017.: <http://ftcommunications.com/2017/06/global-race-autonomous-vehicles-views-united-states-europe-asia/> (дата обращения: 31.10.2018)

онной проблемы правоспособности, понятия лица, юридической личности, участвующей в имущественных отношениях.

В законодательстве одним из первых упоминаний роботов можно считать ст. 12 Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах (2005)⁷, где речь идет о специальных программах, так называемых «электронных агентах», которые предназначены для заключения договоров без участия человека. В официальном комментарии к Конвенции указывается, что сгенерированные компьютером операции рассматриваются как действия того физического или юридического лица, от имени которого используется компьютер. Атрибуция действий, производимых машиной, физическому или юридическому лицу, таким образом, основана на представлении о том, что машина всегда выполняет только заложенные в нее инструкции. Однако, как подчеркивается в комментарии, в перспективе новые поколения информационных систем смогут действовать не только автоматически, но и автономно, учиться на своем опыте и изменять первоначальные инструкции⁸.

Существенные преобразования, которые ожидают в цифровую эпоху понятие «субъект права», можно проиллюстрировать следующими двумя примерами.

Резолюция Европейского парламента. Европарламент 16.02. 2017 принял резолюцию о гражданско-правовых нормах, касающихся робототехники⁹. В тексте резолюции в качестве ключевого выделяется вопрос о гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный роботами. Выделены две базовые модели ответственности, которые могут быть использованы в будущем законодательстве: (1) ответственность независимо от вины; (2) риск-ориентированный подход, когда ответственным признается то лицо, которое было способно минимизировать риски и негативные последствия.

Хотя Европейский парламент придерживается позиции, в соответствии с которой «на современном этапе ответственность должна лежать на человеке, а не на роботе», в документе подчеркивается, что распределение ответственности и ее соразмерность правонарушению представляет собой сложную задачу. Так, необходимо учитывать уровень автономности робота и проводить различие между навыками, которым робота обучили в процессе тренировок, и теми навыками, который робот приобрел посредством само-

⁷ Конвенция принята резолюцией 60/21 Генеральной Ассамблеи ООН от 23.11. 2005 // SPS ConsultantPlus.

⁸ Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах. New York, 2007. С. 69–70.

⁹ Civil Law Rules on Robotics European Parliament resolution of 16.02.2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). EP reference number: P8_TA (2017)005.

обучения. В резолюции также отмечается, что в долгосрочной перспективе для наиболее сложных автономных роботов целесообразно предусмотреть специальный правовой статус «электронных лиц» (electronic persons), которые несут ответственность за любой причиненный ими вред и могут иметь определенные права и обязанности, если самостоятельно вступают в правовые отношения с третьими лицами.

Инициативный законопроект компании Dentons. В конце 2016 г. российские сотрудники юридической фирмы Dentons (Санкт-Петербургский офис) по заказу Grishin Robotics разработали законопроект «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники». Однако конечной целью авторов было не внесение изменений в законодательство, а инициация экспертной дискуссии о системном законодательном регулировании в области робототехники¹⁰. Роботом-агентом, согласно законопроекту, признается робот, который по решению собственника и в силу конструктивных особенностей предназначен для участия в гражданском обороте. При условии регистрации модели робот-агент наделяется правоспособностью. В зависимости от того, выступает ли робот-агент в качестве субъекта договора или предмета сделки, к гражданским отношениям с участием роботов-агентов может применяться по аналогии либо гражданское законодательство о юридических лицах, либо гражданско-правовые нормы, касающиеся имущества. Ответственность за действия робота-агента, по общему правилу, несут его собственник и владелец, но основания для ответственности могут возникнуть и в результате действий других лица, прежде всего, разработчика, производителя роботов, лица, осуществлявшего техническое обслуживание робота-агента.

Приведенные примеры показывают, что понятие правосубъектности, которое имеет многовековую историю, сохраняет свою актуальность и, по всей видимости, будет востребовано для построения системы правового регулирования отношений, возникающих в цифровой экономике.

2. Понятие «лицо» и юридический концепт действительности

2.1. История формирования юридического понятия «лицо» как базового понятия правовой реальности

«Лицо» (persona — лат.) относится к числу древнейших юридических понятий, причем настолько важных, что его можно наряду с понятиями «дей-

---

¹⁰ Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИ РАН. 2017. Вып. 6 (55). С. 50.

ствие (договор)», «вещь», «ответственность», «государство», «воля» рассматривать как системообразующее. При этом понятие лица является базовым элементом, неотъемлемой частью юридического концепта действительности, того своеобразного юридического мира, который был создан в процессе многовековой эволюции юридической мысли. Фундаментальное юридическое понятие лица и правоспособности можно образно рассматривать как «входной билет» в юридический мир. Поэтому, прежде чем предложить инструментарий, обеспечивающий участие роботов в отношениях, регулируемых правом, необходимо кратко описать устройство этого юридического мира, который в период римского права обозначался термином *ars*, а затем, в период становления рациональной европейской науки в XVI–XVIII вв. получил законченный вид правового концепта действительности.

Понять устройство юридического мира помогает классическое определение права, данное Цельсом: «*Jus est ars boni et aequi*». Все знают эти латинские слова по переводу И.С. Перетерского: «Право есть искусство добра и справедливости». Однако не вполне точный перевод слова *ars* превращает действительно «превосходное» (по выражению Ульпиана) определение права в афоризм с туманным значением. Дело в том, что латинское слово *ars* является многозначным и, чтобы понять глубину определения Цельса, необходимо иметь в виду не только его значение как искусства, но и другие смысловые значения данного слова. Право как *ars* есть, прежде всего, продукт человеческого разума, науки и в этом смысле представляет собой нечто неестественное или искусственное.

Для понимания природы юридического мира как *ars* поучительна история перевода термина *persona* известными русскими цивилистами XIX века И.Б. Новицким и Г.Ф. Шершеневичем.

В известном учебнике римского права И.Б. Новицкого латинское слово *persona* переведено как лицо. То есть *persona* — это человек, пусть и не каждый; раб — это человек, но не *persona*, не лицо. Он недвусмысленно пишет, что лица — это люди. Г.Ф. Шершеневич в первом издании своего учебника, следуя традиции, также перевел *persona* как лицо. Но в более позднем издании «Учебника русского гражданского права» он переводит *persona* как маска, тем самым рассматривая это понятие уже не как антропологическое, биологическое, а как сугубо юридическое¹¹.

Казалось бы, какое значение имеет перевод латинского термина *persona* — лицо или маска. Оказывается, имеет, причем значительное. Е.В. Спекторский разъясняет, почему Г.Ф. Шершеневич уточнил свое понимание термина *persona*: «Даже понятие физического лица является чем-то надэмпирическим, особым метафизическим придатком к реальному человеку. Это поня-

¹¹ См.: Пятков Д.В. Физическое лицо человека // *Цивилист*, 2012. № 1. С. 33.

тие является как бы метафизической маской, личиной, надеваемой на людей юриспруденцией, — подобно той маске с очень широким ртом этрусского происхождения, которую носили римские актеры и которая называлась *persona*¹². Вот откуда — из атрибутов театральной жизни — заимствовано важнейшее юридическое понятие *persona*!

Как человек, оказавшийся в греческом или римском театре, в котором артисты носили специальные маски, переносился в особый мир, так и юристы для пространства правовой реальности ввели знаково-символическое понятие субъекта права. Оказывается, физическое лицо — это не человек, а правовая маска человека. Со времен классического римского права утверждение «субъектом права является только живой человек» — становится ошибочным как связанное с узко-реалистическим пониманием права, его концепта, в котором и еще не родившийся человек, и человек умерший могут быть признаны «субъектами права». Для римских юристов *persona* — это не человек, которого можно было потрогать руками, для них была несущественна телесная сущность человека, они признавали разницу между физическим и юридическим рождением человека.

Судьба таких фундаментальных гуманитарных понятий, как «лицо — персона — маска» и «личность, обладающая достоинством», является хорошим примером для демонстрации того, что известный русский философ права Е.В. Спекторский называл «генеалогией» социальных идей: «Семантическая обработка понятий носит генетический, по преимуществу исторический характер. Понятия не падают с неба в готовом виде и не парят, как Платоновы идеи, над действительностью в каком-то таинственном эмпирее... Вместо того, чтобы более или менее односторонне и произвольно дедуцировать понятия «чистые», гораздо целесообразнее взойти к историческим корням и разветвлениям подлежащих выяснению понятий; и среди этих разветвлений всегда найдут свое место и свое объяснение те значения, которые с такой гордостью и независимостью дедуцируются априорными теоретиками как единственно истинные»¹³.

Persona — это источник великого множества не только юридических, но и философских, теологических, социологических и даже литературных идей. Всем памятна цитата из комедии Шекспира «Как вам это понравится»: «Весь мир — театр. В нем женщины, мужчины — все актеры. У них свои есть выходы, уходы. И каждый не одну играет роль». Действительно, все начинается с маски, с этрусского слова «*fersu*», означающего «маска». *Persona* в классический период имела уже несколько значений, далеко отстоящих от театраль-

---

¹² Спекторский Е.В. Юриспруденция и философия // Юридический вестник. 1913. Кн. 2. С. 72–73.

¹³ Спекторский Е.В. Понятие общества в античном мире: Этюд по семантике обществоведения. Варшава, 1911. С. 4–5.

ной маски, которую имел в виду Шекспир. Оно означало и житейскую роль или функцию, которую выполнял человек в жизни, будучи либо пахарем, либо военачальником, либо поэтом. В случае смерти биологического человека происходил разрыв с его социальной функцией. Поэтому «*personam vitae deponere*», что означает — снять маску жизни, т.е. иносказательно — умереть. С лица умершего реально снимали гипсовую маску, что означало его освобождение от жизненной роли.

Обратим внимание на это обстоятельство — на некую двойственность человеческого сознания и реальной роли, функции, иначе — маски человека. Из этой двойственности проистекает различие биологического человека, наделенного сознанием, и его юридической маски (понятия лица), которая заменяет человека в искусственном юридическом мире, сконструированном из элементов, являющихся продуктами сознания, которые не обладают никаким реально значимым содержанием, а от начала до конца являются выдумками, фикциями, созданными человечеством в качестве технических средств приспособления к существованию в условиях социума.

Можно привести несколько убедительных примеров из истории правовой науки и практики, которые свидетельствуют о независимости юридического понятия лица от того, что принято считать субъектами в реальной жизни, а также в других науках, прежде всего, в философии и других гуманитарных науках (наличие воли, сознания, интересов и т.п.).

Так, Б. Виндшейд различал три вида юридических лиц и, помимо совокупности физических лиц и учреждений, выделял также совокупность имущества (*Vermögensbegriffe*). Государственная казна или *hereditas iacens* («лежащее наследство») могут рассматриваться как юридическое лицо, иметь права и обязанности¹⁴. Обосновывая несовпадение субъекта права с понятием конкретного, живого индивида, Е.Н. Трубецкой приводил в пример право человеческого зародыша, который еще не родился, а также случаи существования субъекта права, когда соответствующий ему человек прекратил свое физическое существование¹⁵.

В Индии, согласно древним религиозным обычаям, индуистские идолы признаются судами юридическими лицами, имеют свои интересы, которые требуют защиты, обладают правом подавать иски и быть ответчиками в суде. В интересах идола в суде выступает человек, на попечении которого находится идол и который наделяется правами управляющего по аналогии с правами управляющего имуществом несовершеннолетнего наследника¹⁶.

¹⁴ *Windscheid B. Lehrbuch des Pandektenrechts*. 6. Aufl. Frankfurt a. M., 1887. S. 156–161.

¹⁵ Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917. С. 166–167. См. также критику Е.Н. Трубецким теории фикций Ф.К. фон Савиньи: Там же. С.175–176.

¹⁶ См.: *Bombay High Court: Pramatha Nath Mullick vs Pradyumna Kumar Mullick on 28 April, 1925. L.R. 52, Ind. App. 252.*

Согласно индуистскому праву, идола можно сделать наследником всего имущества¹⁷. Напротив, «санньяси» («отречение»), аскет, отрекшийся от мира, не только отказывается от всего своего имущества, но полностью теряет свою правоспособность, перестает быть субъектом гражданских прав. С точки зрения индийской правовой доктрины понятие лица является в полной мере условным и может применяться к любым существам, вещам или объектам. В 2000 г. Верховный суд Индии, имея в виду имущественные интересы сикхской религиозной общины, признал юридическим лицом «Гуру Грантх Сахиб» — основной священный текст сикхов¹⁸.

В рамках морского права еще в начале XX века в некоторых государствах юридическим лицом признавались корабли¹⁹. Как справедливо отмечал Б. Смит, функция юридического лица состоит не только в регулировании поведения того субъекта, которому присваивается данный статус, но и в регулировании поведения человеческих существ по отношению к этому субъекту или по отношению друг к другу. «Сделать корабль юридическим лицом соответствует интересам общества, конечно же, не потому что это как-то изменит поведение корабля, а потому, что его личность является эффективным инструментом для контроля при определенных обстоятельствах его собственника или других людей. Широкое назначение юридического лица, будь то корабля, идола, молекулы или человека, а также кого-либо или чего-либо, кому оно предписывается, заключается в том, чтобы упрощать регулирование посредством организации общественных отношений, человеческого поведения и взаимодействия»²⁰.

История с переводом и толкованием понятия римского права «*persona*» в юридических текстах имеет свое продолжение в современной правовой науке.

Французский историк права Д. Деруссен обращает внимание, что термин *persona* используется в дидактических текстах римского права (Институции Гая и Дигесты Юстиниана) как абстрактное родовое понятие, а понятие физического лица является только одним из его значений, причем далеко не самым важным. Но даже в значении индивида термин *лицо* или *личность* не означал для римлян внутренних свойств человека, а, скорее, совокупность элементов, которые характеризуют человека с точки зрения его социально-

---

¹⁷ Calcutta High Court: Pramatha Nath Mukherjee And Ors. vs Anukul Chandra Banerjee And ... on 21 July, 1924.

¹⁸ Supreme Court of India Shriomani Gurudwara Prabandhak ... vs Shri Som Nath Dass & Ors on 29 March, 2000. См. также комментарий к данному решению в статье: Singh K. Aad Guru Granth Sahib — A Juristic Person // Understanding Sikhism. The Research Journal. July-December. 2000. Vol. 2. No. 2. P. 24–28.

¹⁹ U.S. Supreme Court. Tucker v. Alexandroff, 183 U.S. 424 (1902). Tucker v. Alexandroff. No. 303. January 6, 1902. 183 U.S. 424.

²⁰ Smith B. Legal personality // Yale Law Journal. 1928. N 3. P. 296.

го и экономического статуса. «Persona в действительности обозначает одновременно и персонаж, которого исполняют, и функцию, стереотипную и кодифицированную, так же, как это имеет место в трагедиях или комедиях», т.е. слово persona в значении физического лица всегда несло в себе определенный технический смысл и специально использовалось для обозначения «правовой роли»²¹.

Сравнительное историческое исследование, которое провел Т. Ву, показало, что «юридическая личность» и сам человек римскими юристами никогда не отождествлялись: слово persona использовалось с глаголами носить, представлять, исполнять, сохранять (*gerere, tenere, sustinere, suscipere* и т.п.), но никогда не употреблялось с глаголом «быть». Представление о том, что юридическая маска и человек, который ее носит, суть одно и то же, закрепилось в европейской юриспруденции только в XIX в. во многом благодаря теории фикций Ф.К. фон Савиньи, основанной на тезисе, что действительными субъектами права могут быть только живые люди²².

Таким образом, именно в XIX в. сформировались два юридических мировоззрения: «узко-реалистическое» понимание права, связывающее право с внешним материальным миром, и мировоззрение, основу которого составляет подход к юридическому миру как к особой и самодостаточной реальности. Е.Н. Трубецкой очень точно показал суть проблемы правосубъектности через различие в методологических подходах к пониманию правовой реальности: «В большинстве юридических энциклопедий отдел о субъекте права начинается с положения, что субъектом прав является человек, физическое лицо. Положение, что люди являются субъектами прав, само собой очевидно и не нуждается в разъяснении. Но рядом с этим значительная часть юристов полагают, что субъектами права могут быть только живые, действительные люди. Положение это служит в наше время предметом спора, имеющего первостепенное значение. Утверждение, что субъектом права может быть только живой человек, тесно связано с узко-реалистическим пониманием права»²³. Отметим, что узко-реалистический подход к праву — это не только отрицание правовой реальности за субъектами права, не совпадающими с биологическими человеческими существами, но и негативное отношение к

²¹ *Deroussin D. Homo / persona. Archéologie antique de la personne / De la terre à l'usine: des hommes et du droit. Mélanges offerts à Gérard Aubin / B. Gallinato-Contino et N. Hakim (dir.). Bordeaux, 2014. P. 439–440.*

²² *Wu T.-M. Lost in translation: the verbal change from persona to person // Comparative Legilinguistics. 2010. Vol. 2. P. 141–151. См. также: Wu T.-M. Legal Personhood from the 18th to mid-20th Century: From Neologism to Concept. Legal Bodies: Corpus/ Persona/ Communitas” Leiden., 2014 [Электронный ресурс]: http://idv.sinica.edu.tw/tmwu/share/20140530_Personhood_18_20sec.pdf (дата обращения: 31.10.2018)*

²³ Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М.: Т-во Тип. А.И. Мамонтова, 1917. С. 166.

другим элементам юридического концепта, в частности, к воле государства. Воля государства в юриспруденции как понятие предполагает совсем не то, что обычно понимается под волей в философии или психологии.

2.2. Проблема смешения правового понятия лица и понятия человеческой личности

Казалось бы, все сказанное ранее должно было подвести нас к однозначному ответу, что при определенном уровне робототехники рассматривать автономных роботов как субъектов права можно и даже целесообразно. Однако, как указывалось ранее, правовое понятие лица, восходящее к понятию *persona* римского права, имеет сложную историю, в которой оно взаимодействовало с другими понятиями, а его первоначальное значение серьезно трансформировалось под воздействием других сфер культуры и науки. Действительно, начиная с XIX в. и даже сегодня сложно себе представить рассуждение о физическом и даже юридическом лице без упоминания человеческой личности или ее отдельных атрибутов, таких как воля или интерес.

Очевидно, что существенную роль в объединении и смешении в юридическом понятии субъекта права понятий лица, маски и индивидуальной человеческой личности сыграла философия. В период, следующий за античностью, практически вся история европейской философии проходит под знаком самопознания человека и его места в мире. Согласно Фоме Аквинскому, «личность означает совершеннейшее во всей природе, т.е. заключающееся в разумной природе»²⁴. Р. Декарт связывает сущность человека с его способностью к самоидентификации в качестве мыслящего существа (*cogito ergo sum*). Согласно Г.В. Лейбницу, человек представляет собой не просто познающее существо, но и существо моральное. Лейбниц полагал, что под бессмертием человека «понимают не только то, что душа будет пребывать, но и то, что будет сохраняться личность, т.е. когда говорят, что человеческая душа бессмертна, допускают продолжение существования того, что обуславливает эту личность и сохраняет нравственные качества, поскольку личность имеет совесть, или внутреннее рефлексивное чувство того, какова ее душа. А это и делает ее восприимчивой к наказанию или вознаграждению»²⁵. Также у И. Канта главным в человеке является не его способность к познанию, а практический разум, «моральное сознание» и способность к свободному самоопределению. Й. Фейербах в своей антропологической философии, одним из первых сумел восстановить в правах

---

²⁴ *Persona* significat id quod est perfectissimum in tota natura, scilicet subsistens in rationali natura. См.: *Aquinatis T. Summa Theologica*. I, qu, 29, art. 3.26.

²⁵ Лейбниц Г. Сочинения. Том 4. М., 1989. С. 183.

чувственную природу человека. Человека нельзя воспринимать только как мыслящее существо, поскольку мышление всегда абстрактно: «Тело есть основание, субъект личности»²⁶. Соответственно, без тела личность человека становится абстракцией, сущностью без существования. Конфликт «духа и плоти» Фейербах рассматривал как «главный метафизический принцип». В философии К. Маркса, с другой стороны, человек рассматривается как «совокупность общественных отношений»²⁷, т.е. определяющим для природы человека является его социальное бытие.

Описанная многомерность понятия личности позволяет охарактеризовать историю развития представления о личности как историю открытия ее различных измерений. С другой стороны, история показывает и иную сторону развития философской мысли. Хотя европейская философия и претендовала на познание последней истины, универсальность и метафизичность, в действительности философский дискурс о человеке вообще был и остается дискурсом об уникальности и культурной идентичности, прежде всего, европейского человека. Современные правовые дискуссии о правах человека в контексте мультикультурного мира фактически являются отражением научных изысканий, связанных с европоцентризмом, заслуга развития которых принадлежит этнографам, антропологам и историкам, но никак не философам²⁸.

Поэтому, взаимодействуя с другими сферами практики и научного познания, право не может и не должно потерять свою идентичность. Скорее, речь идет о том, чтобы осмыслить и перевести на юридический язык те ценностные достижения других сфер человеческого познания, которые могли бы способствовать собственному развитию права и реализации его основных функций. Представляется, что история развития права, включая современное право, подтверждает высказанный тезис. Авторы монографии «Правовая теория автономных искусственных агентов» справедливо отмечают: «В целом, признание правосубъектности законодательными органами или судами происходит в ответ на юридическое, политическое или моральное давление. Тем самым правовая система стремится обеспечить свою внутреннюю функциональную согласованность. Юридические лица признаются таковыми для облегчения работы закона в соответствии с социальными реалиями. Этому, следовательно, не вполне соответствуют аргументы в пользу создания новых видов юридического лица, основанные на метафизически или морально выраженном понятии человека, которое используется

²⁶ Фейербах Л. Сочинения. Т. 2. М., 1955. С. 124.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. С. 262.

²⁸ См., напр.: Rouland N. Les fondements anthropologiques des droits de l'Homme // Revue générale de droit. 1994. N 25. P. 5–47.

в философском дискурсе. Ключевым для аргументов, которые излагаются на судебных заседаниях, является исторический или правовой прецедент и прагматичная оценка наиболее важных интересов общества»²⁹.

Только сохраняя свою идентичность, право может играть активную роль в развитии экономики и общества в целом. Право является не набором технических инструментов, а наукой (*ars*), которая обеспечивает сбалансированные и справедливые отношения в обществе благодаря тому, что всегда имеет в виду не только настоящее, но и будущее, не только сущее, но и должное, т.е. идеалы, к реализации которых стремится общество. Признавая важность человеческой личности, уникальность стремления человека к самопознанию и моральному совершенству, мы не должны отказываться от концепта юридического мира. Редуцируя личность к лицу, к определенной совокупности функций или юридических масок, право совсем не обедняет понимание человеческой природы и способностей. Скорее, право конституирует еще одно, дополнительное измерение социального бытия человека.

3. Роботы как субъекты права: правовой прагматизм против правового консерватизма

Возвращаясь к вопросу о возможности рассматривать роботов как субъектов права, необходимо проанализировать то, что оценивается учеными, политиками и практиками как препятствие для принятия данного решения. В чем заключаются причины скептицизма и даже вполне реальных опасений, касающихся угрозы человечеству со стороны роботов?

Правосубъектность роботов в рамках российского проекта компании Dentons не рассматривается как какая-либо значимая проблема. Но дело в том, что роботы-агенты в российском законопроекте не представляют собой самообучающиеся устройства, способные пройти тест Тьюринга и самостоятельно действующие в материальном мире. Поскольку, согласно положениям законопроекта, единственное предназначение таких агентов заключается в их участии в гражданском обороте, т.е. в заключении сделок, представляется, что разработчики имели в виду достаточно простые компьютерные программы, которые активно используются бизнесом уже не одно десятилетие. Аналогом таких роботов-агентов являются «электронные агенты», использование которых признается законным в соответствии с Конвенцией ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах.

Что касается Европейского парламента, то в резолюции 2017 г. упоминается о правосубъектности роботов только как о долгосрочной перспективе,

---

²⁹ Chopra S., White L. A legal theory for autonomous artificial agents. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2011. P. 155.

относящейся исключительно к наиболее продвинутым и автономным роботам. Во время дебатов положений резолюции в феврале 2017 г. Ж. Лебретон, член парламента, доктор философии и права выразил свою позицию по поводу наделения роботов юридической личностью следующим образом: «Я возражаю против данной перспективы по двум причинам: прежде всего, поскольку она снимет всякую ответственность с их производителей и пользователей, что, несомненно, обрадовало бы мощные лобби; во-вторых, и это главное, потому что я считаю, также как и Жак Маритен, что человеческая личность наделена духовным существованием, с которым несопоставим ни один искусственный интеллект»³⁰. В свою очередь, М. Делво, основной докладчик на дебатах по вопросу о гражданско-правовых нормах в робототехнике, отметила: «В этом докладе мы просим Комиссию изучить, проанализировать и рассмотреть последствия всех правовых решений, которые обсуждаются в отношении правосубъектности роботов, в отношении ответственности и, следовательно, компенсации за нанесенный ущерб. Кстати, я удивлена, что парламент отказывается от обсуждения идей из интеллектуальной среды, которые публикуются в книгах и которые отражают направления мысли, которые уже существовали до начала данного спора»³¹.

Возможно, еще более красноречива является оценка, которую проект получил по результатам специального исследования 2016 г., которое было проведено Комитетом по правовым делам Европарламента³². В экспертном исследовании были выдвинуты серьезные возражения против любой перспективы наделения роботов правосубъектностью. Предложение, касающееся статуса робота как «электронного субъекта», рассматривается, в частности, как стремление признать действие в отношении роботов основных прав, таких как право на жизнь (т.е. право на неразрушение), право на достоинство, право на равенство с человечеством, право на пенсию, право на получение вознаграждения и т.д. Данный аргумент вряд ли может рассматриваться как серьезный, если учитывать, что роботы могут рассматриваться как субъекты для определенной цели и только в определенных правоотношениях.

Приведем общий вывод автора исследования полностью: «На самом деле, сторонники варианта правосубъектности имеют нереальное представление о роботе, вдохновленное научно-фантастическими романами и кино. Они

---

³⁰ European Parliament. REPORT with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). Debates, 15 February 2017. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=CRE&reference=20170215&secondRef=ITEM-014&language=EN&ring=A8-2017-0005> (дата обращения: 31.10.2018)

³¹ Ibid.

³² Nievans N. European Civil Law Rules in Robotics. Study. European Parliament's Legal Affairs Committee. 2016. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/committees/fr/supporting-analyses-search.html> (дата обращения: 31.10.2018)

рассматривают робота — особенно, если он подпадает под классификацию умного и является гуманоидом, — как подлинное мыслящее искусственное творение, человеческое alter ego. Мы полагаем, что было бы неправильным и неуместным не только признавать существование электронного субъекта, но даже создать такую юридическую личность. Это приведет не только к риску надления правами и обязанностями того, что является простым инструментом, но и нарушит границы между человеком и машиной, сделает размытыми грань между живым и неживым, человеком и нечеловеческим. Более того, создание нового типа личности — электронной личности — посылает сильный сигнал, который может не только разжечь страх перед искусственными существами, но и поставить под сомнение гуманистические основы Европы. Таким образом, присвоение статуса личности неживой, бессознательной сущности является ошибкой, поскольку, в конечном итоге, человечество, скорее всего, будет низведено до уровня машины. Роботы должны служить человечеству и не должны играть никакой другой роли, кроме как в сфере научной фантастики»³³.

Не является ли приведенная оценка излишне эмоциональной и в связи с этим не вполне профессиональной, в особенности, когда речь идет о Комитете по правовым делам? Обвинение, касающееся увлеченностью научной фантастикой, адресованное разработчикам проекта, можно с таким же успехом предъявить и автору исследования, учитывая, что научная фантастика и, в особенности, кино, в последние годы активно эксплуатирует тему безжалостных роботов, которые одержат победу над человечеством? Не меньше сомнений вызывает заявление, что правосубъектность роботов подрывает «гуманистические основы Европы».

Для того чтобы создать основу для более объективной оценки спорной ситуации, возможно, стоит ответить на другой вопрос: подрывает ли гуманитарные основы Европы надление частичной правосубъектностью животных?

Вопрос о правосубъектности животных стал особенно актуален именно в связи с развитием технологий и ростом народонаселения. Это вопрос о выживании диких животных и жестокости человека как по отношению к диким, так и к домашним животным. Приведем в качестве примера Канаду. В 1998 г. Министерство юстиции Канады вынесло на общественное обсуждение необходимость реформы законодательства о жестокости к животным. Основной вопрос состоял в том, правильно ли классифицировать жестокое обращение с животными как преступление против собственности, как это закрепляло действующее законодательство: «Должен ли уголовный закон продолжать относиться к животным, в первую очередь, как к собственно-

---

³³ Ibid. P. 16.

сти, или закон должен защищать животных от злоупотреблений независимо от их статуса как собственности?»³⁴. Однако итогом длительного и жесткого обсуждения стал вывод, что право собственности и его правовая защита важнее, чем защита животных.

В последующие годы в парламент Канады были внесены как минимум восемь законопроектов, но ни один из них не был принят. Одним из немногих законодательных актов, признающих, что животные все же являются чем-то большим, чем имущество, принадлежащее человеку, стал принятый Новой Зеландией в 2015 г. Закон о внесении изменений в Закон о благополучии животных³⁵. В Закон была внесена поправка, в соответствии с которой животные имеют чувства (are sentiment)³⁶. Между тем, равнодушное отношение к животным говорит больше не об их ценности и полезности в качестве имущества или об их опасности для человека, а о самом человеке. М. Ганди говорил, что «о величии и моральном прогрессе нации можно судить по отношению к животным».

Обращение к вопросу о правах животных в настоящей статье не означает, что роботов необходимо рассматривать как разумных и, тем более, чувствующих существ. Речь идет как раз об обратном, а именно — об отсутствии прямой связи между правосубъектностью и качествами, присущими человеку. Пример с действующим законодательством о защите животных, с одной стороны, наглядно демонстрирует, что в определенных случаях признание правосубъектности может служить более эффективным механизмом, чем иные правовые решения³⁷. С другой стороны, аргументы, которые приводятся в рамках дискуссий о правосубъектности как животных, так и роботов, заставляют задуматься о факторах, определяющих мнение общественности, т.е. отношение общества к той или иной проблеме.

Дж. Дьюи, один из основоположников философии прагматизма, в своей статье «Историческое развитие корпоративной правосубъектности» (1926) отмечал, что споры вокруг как индивидуальной, так и корпоративной правосубъектности являются следствием не критической и часто неосознанной приверженности различным неправовым теориям из области философии, психологии и теологии. Содержание и обоснование правовых понятий не

³⁴ Canada. Minister of Justice. Crimes Against Animals: A Consultation Paper. Ottawa: Library of Parliament, 1998. n. 212.

³⁵ New Zealand Animal Welfare Amendment Act 9. May 2015. N 49.

³⁶ В недавнем исследовании Европейского парламента о благополучии животных в Европейском союзе признаются серьезные недостатки в законодательстве. См.: Broom D. Animal Welfare in the European Union. Study. European Parliament, Policy Department for Citizens' Rights and Constitutional Affairs. , 2017. P. 10–11.

³⁷ См.: Legal Personhood: Animals, Artificial Intelligence and the Unborn. Visa A. et al (eds.). Springer, 2017.

могут оставаться неизменными, когда изменяется общество, экономика, а также общенаучные представления и подходы: «...Если внедрение торгового права не приведет к правовому регулированию, соответствующему сложным промышленным отношениям современного периода, то еще более очевидно, что старые неправовые доктрины, которые когда-то служили развитию правовых норм, сегодня могут являться препятствием. Мы часто обсуждаем проблемы с точки зрения старых идей, тогда как решение проблемы связано с избавлением от старых идей и их заменой на понятия, более соответствующие современному состоянию идей и знаний»³⁸.

Чтобы разобраться, по какой причине одни юристы считают возможным и целесообразным рассматривать правосубъектность как фикцию, а другие, напротив, склоняются к тому, чтобы приписывать юридическим лицам свойства человека (волю и интересы), методологически важно, как полагал Дьюи, использовать определенный подход к определению базовых понятий. Согласно формальной логике, унаследованной от древних греков, определение должно содержать указание на сущность и универсальную внутреннюю природу определяемого объекта. Согласно другому способу, который соответствует принципу прагматизма Ч. Пирса, предмет определяется через то, что он делает, через те наблюдаемые, внешние эффекты, которые он производит в других предметах. Таким образом, корпоративная правоспособность должна представлять собой не некую внутреннюю сущность, а лишь те последствия, результаты, к которым она приводит³⁹.

Сходной позиции придерживается Р. Познер. В поисках ответа на вопрос о правосубъектности животных он приходит к концептуальному выводу, что ни этические, ни любые иные чисто философские аргументы не определяют отношения общества к данному вопросу, точно так же, как и к расовому вопросу, гомосексуальности, контрацепции или самоубийству. «Уроки истории, а не идеи Платона, Аристотеля, Канта или Хайдеггера заставили многих философов, а также нефилософов, обратиться в итоге против расизма и гомофобии. Философия следует моральным изменениям; она не вызывает их и даже их не направляет»⁴⁰. Поэтому применительно к правосубъектности животных Познер предлагает обратиться к методологии права и экономики и детально исследовать на системной основе многочисленные факторы, определяющие издержки и выгоды от введения правосубъектности животных.

---

³⁸ Dewey J. The Historic Background of Corporate Legal Personality // Yale Law Journal. 1926. N 35. P. 657.

³⁹ Ibid. P. 660–661.

⁴⁰ Posner R. Animal Rights: Legal, Philosophical, and Pragmatic Perspectives / Animal rights: current debates and new directions. Sunstein C. (ed.). New York: Oxford University Press, 2004. P. 68.

Предложенная Р. Познером стратегия применима и к решению вопроса о правосубъектности роботов. Данная стратегия в полной мере совместима с общей постановкой проблемы Дж. Дьюи, т.е. с прагматическим подходом к анализируемой ситуации и готовностью давать объективную оценку существующим и новым понятиям и подходам. Р. Познер, признает себя сторонником не только философского утилитаризма, но и прагматизма⁴¹.

Проблемный вопрос о возможности или невозможности признать роботов субъектами права в значительной степени связан с появлением поколения автономных роботов, способных к самообучению. В первую очередь, возникает потребность в правовой оценке ситуаций, когда действия робота приводят к нанесению вреда (деликту). Допустим, автономный, способный к самообучению дрон поранил своего владельца или третье лицо. Причины такого поведения дрона могут быть различными. Во-первых, в программном обеспечении дрона может быть дефект. В этом случае ответственность лежит на производителе. Во-вторых, владелец дрона мог неправильно «обучить» дрона, тогда ответственность лежит на нем. Но дело в том, что с технической точки зрения сами понятия «автономность робота» и «самообучение робота» означают отсутствие стопроцентной предсказуемости его поведения. Следовательно, возможна ситуация, когда установить прямую связь между действиями производителя или пользователя и тем вредом, который причинил робот, крайне сложно.

Таким образом, если признание робота субъектом права имеет какой-либо смысл или назначение, то оно заключается в более эффективном и сбалансированном распределении ответственности. Напротив, если робот не способен возместить нанесенный им вред, необходимость признания его субъектом права становится проблематичной. В свою очередь, задача или социальная потребность в распределении ответственности является следствием более сложной, универсальной потребности в равновесии.

Для того, чтобы эта мысль стала понятной, необходимо вспомнить «забытого рационалиста XVII века». Речь идет о серьезном ученом — математике, астрономе и философе Э. Вейгеле, одном из авторов учения об особом моральном или нормативном (юридическом) мире как мире, который был установлен в процессе длительной социальной эволюции человечества и является «как бы вторым творением» (*quadam creation secunda*)⁴². Э. Вейгель, профессор Йенского университета, учитель Лейбница и Пуффендорфа, сравнивал моральный мир с физическим и с удивлением обнаружил, что моральный космос хотя и отличается от физического мира, вместе с тем

⁴¹ См., напр.: *Posner R. Pragmatic Adjudication // Cardozo Law Review. 1996. Vol. 18. P. 1–21; Posner R. Legal Pragmatism Defended // University of Chicago Law Review. 2004. Vol. 71. P. 683–690.*

⁴² Спекторский Е.В. Эдгар Вейгель — забытый рационалист XVII века. Варшава, 1909. С. 44–45.

вполне аналогичен ему и не хуже поддается описанию с помощью «своего рода геометрии»⁴³.

Уподобляя моральный мир миру природы, немецкий философ был убежден, что оба мира имеют аналогичную структуру. В юридическом мире есть свое пространство, фигуры, тела. В физическом мире все многообразие существующих объектов можно «разложить» на геометрические фигуры. Что касается юридического мира, то в этом мире установленных правил и должного есть свои «фигуры», и это лица, субъекты правовых отношений. Аналогией вещей и тел физического мира в моральном мире выступают «моральные субстанции» (вещи и юридические лица). При этом созданный человеческой волей моральный мир, включая моральные субстанции, так же реален, как и мир природы: «Эту последнюю реальность Вейгель понимает не метафизически, как нечто имеющее трансцендентное бытие вне и помимо человеческого установления, а как продукт именно этого установления (*impositio*), в силу своей общепринятости имеющий не субъективное, а объективное значение»⁴⁴.

Изоморфность физического и морального миров привела Вейгеля к мысли, что подобно тому, как в первом есть физические закономерности, такие же закономерности можно обнаружить и в юридическом мире. И если в физическом мире наблюдаются состояния равновесия и движения, то и в моральных, и правовых отношениях, образующих пространство морального и юридического миров, можно обнаружить состояние равновесия. Вейгель считал, что от природы в душе человека заложена своего рода нравственная таблица умножения, состоящая из четырех правил, сводящихся к одному: *делай другим то, что ты хочешь, чтобы они делали тебе*. Таков внутренний закон, от природы написанный в сердце (душе) человека⁴⁵. Право, считал Вейгель, неразрывно связано с этим нравственным законом, именно поэтому право невозможно изолировать от морали и рассматривать безотносительно от его нравственного стержня. От природы человек является своеобразным «счетчиком», и можно сказать, что именно на данной способности

---

⁴³ Там же. С. 25.

⁴⁴ Там же. С. 48.

⁴⁵ Так называемое «золотое правило нравственности», т.е. правило взаимности, известно с древних времен и рассматривается многими религиями как обязательное правило или принцип взаимоотношений между людьми. «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Св. Евангелие от Матфея 7:12). Сура 83 («Обмеривающие») Корана, согласно авторитетным комментариям, также является выражением «золотого правила» (*The Golden Rule: The Ethics of Reciprocity in World Religions* / Ed. J. Neusner, B. Chilton. Bloomsbury Publishing, 2008. P. 102–103). И. Кант считал, что «золотое правило» (*quod tibi fieri non vis, alteri ne feceris* — «чего не хочешь себе, не делай другому») само по себе не является всеобщим законом, но полагал, что оно необходимым образом выводится из категорического императива. См.: *Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Часть 1. М., 1965. С. 271.*

человека основана практическая этика (если ты мне сделал что-то доброе, то и я должен отплатить тебе добром, — учетная операция!).

Заметим, что в описанной структуре соотношения права и морали есть что-то похожее на возникшую позднее познавательную структуру оценки экономической ценности в процессе обмена. Хотя моральная математика отличается от экономической, homo economicus тоже может рассматриваться с точки зрения операций расчета, сопоставления и поиска равновесия. Не случайно вопросы общего (структурного) основания развития человеческого общества в его экономическом, правовом и этическом измерениях привлекало внимание и одного из основоположников институциональной экономики Джонса Коммонса. Право ученый связывал, прежде всего, с психологическими и этическими аспектами взаимоотношений между людьми, «набором желаний и страхов, которые человеческие существа питают друг к другу»⁴⁶. Но то же самое справедливо и в отношении экономики и этики: «Сами лица — суть наборы качеств, которые мы называем ожидаемым результатом: их поведение, на которое надеются или которого страшатся, — это процесс ожидания, связанный с ними. Когда эти ожидания предсказуемы, они принимают форму закона, норм или принципов человеческого поведения, которые суть не что иное, как предположение о том, как индивиды или классы будут действовать при определенных обстоятельствах. Экономически они действуют, движимые полезностью; этически они действуют, движимые симпатией и обязанностью»⁴⁷. Сущность человека как социального существа проявляется, в том числе, в приобретенной способности вести разные расчеты, сопоставлять, взвешивать и таким образом снова и снова обеспечивать равновесие социального бытия (правопорядок). Благодаря созданной в обществе инфраструктуре социальных норм человек в отношениях с другими учитывает сложившиеся моральные, юридические, экономические и другие нормы, которые помогают ему в мире должествования соизмерять и оценивать свои действия.

Моральный космос создан социальной практикой человечества и поэтому он, конечно, отличается от физического мира, сотворенного по законам, которые изучают естественные науки. Но чрезвычайно полезно сфокусироваться не на различиях между физическим миром и «миром установлений» (т.е. разного рода правил и социальных норм, обязательных для человека), а на их взаимосвязи. Не случайно, пожалуй, самые знаменитые строки Канта посвящены сравнению двух миров — физического и морального: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благого-

⁴⁶ Коммонс Дж. Правовые основания капитализма. М., 2011. С. 97.

⁴⁷ Там же. С. 104.

вением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне»⁴⁸.

Таким образом, существует универсальная познавательная структура, общая для математики, этики и экономики. В мире установлений, «моральном мире», о котором писал Вейгель, существует потребность в расчете (сравнении, соотнесении и взвешивании). Распределение имущественной ответственности — это лишь частный случай способности человека оценивать (рассчитывать) последствия своих действий и вырабатывать модель регулирования социальных отношений, которая обеспечивает общественный порядок. В конечном счете, потребность наделить самообучающихся роботов правами юридического лица можно объяснить потребностью в равновесии. Состояние равновесия может быть достигнуто, если за вред, причиненный таким роботом, возникнет ответственность в виде имущественной компенсации за счет денежных средств, которые могут быть аккумулированы у этого нового субъекта права разными способами, не исключая и страховые механизмы. Поэтому нет ничего удивительного, если самообучающиеся роботы получают права юридического лица.

Одной из возможностей решить проблему возмещения вреда роботом является введение обязательной системы регистрации роботов и обязательного страхования их ответственности. Другой альтернативой могла бы стать доктрина *respondeat superior*⁴⁹, согласно которой вышестоящий (работодатель, принципал) всегда отвечает за действия своего агента, работника или иного подконтрольного ему лица. С. Чопра и Л. Уайт, рассматривая вопрос о целесообразности возложения ответственности на самих роботов, приходят к выводу, что задача не сводится к возмещению убытков: «Признание вины искусственного агента, обеспечит не только возмещение убытков, но также большую согласованность дискурса, касающегося функций искусственных агентов и переложения на них ответственности. Таким образом, реальное значение наложения ответственности, на искусственных агентов может заключаться не столько в прямом возмещении убытков, сколько в том, чтобы внести вклад в повышение социального воздействия и роли права»⁵⁰. Приведенный тезис заслуживает внимания, так как показывает, что распределение имущественной ответственности направлено на решение не только экономической, но и собственно юридической проблемы, связанной с обеспечением баланса интересов и адаптации права к изменениям социальной реальности.

---

⁴⁸ Кант И. Указ. соч. С. 499.

⁴⁹ *Respondeat superior* — лат. «пусть ответит старший».

⁵⁰ *Chopra S., White L. Op. cit. P. 150.*

Заключение

Метафизические споры о понятиях правосубъектности или сущности юридического лица могут продолжаться бесконечно. Но необходимо заботиться об авторитете юридической науки и гражданского права. С точки зрения философии науки, непрекращающиеся споры о понятиях являются свидетельством серьезного методологического кризиса в той или иной науке и назревшей потребности к парадигмальным изменениям. Полагаем, что как компромисс может быть предложена следующая модель для оценки и решения проблемы.

В науке гражданского права сформировался институт лица как участника гражданских правоотношений. Участниками последних могут быть только лица — физические и юридические. Последние охватывают собой очень широкий круг участников гражданских правоотношений. Согласно российскому праву, в качестве таких участников могут выступать как коммерческие организации, включая крестьянские (фермерских) хозяйства, так и публично-правовые образования, к которым, в частности, относятся государственные учреждения, государственные корпорации, адвокатские образования и даже такие специфические субъекты, как казачьи общества⁵¹.

Сам факт включения в перечень субъектов гражданских правоотношений таких юридических лиц, как казачьи общества и крестьянские хозяйства, является свидетельством эластичности понятия юридического лица. Поэтому в будущем, когда по мере совершенствования искусственного интеллекта может возникнуть потребность в признании юридической личности роботов, можно будет подумать — а не признать ли их особой разновидностью юридических лиц? Может быть использован и альтернативный вариант, основанный на использовании уже имеющейся юридической техники уподобления⁵². Роботов в этом случае можно будет признать «как бы субъектами права» (квази-субъектами).

Практическая потребность, которая будет подталкивать процесс цивилистической легитимизации признания юридической личности у высоко развитой робототехники, связана, как указывалось выше, с необходимостью решения проблемы юридической ответственности.

В настоящее время уже возникает необходимость разрешения юридических конфликтов с участием как автономных роботов, так и операторов робототехники. Например, используемая сегодня робототехника позволя-

⁵¹ Ст. 50 «Коммерческие и некоммерческие организации» ГК Российской Федерации // СПС Гарант.

⁵² Напр., в соответствии с п. 2 ст. 124 ГК РФ публично-правовые образования уподобляются юридическим лицам.

ет значительно снизить риск ошибки при диагностировании заболеваний человека, но и она не исключает ошибки. Если же ошибка будет допущена в результате применения такой робототехники, то возникают несколько вопросов: какой вариант деликтной ответственности должен применяться, кто будет нести ответственность и каковы будут ее субъективные основания? В арсенале частного права есть различные варианты ответственности, такие как смешанная ответственность при совместном причинении вреда; ответственность лица, являющегося источником повышенной опасности; ответственность производителя за качество товара (услуги) — ответственность перед потребителем. Эти юридические конструкции могут оказаться полезными для правового регулирования отношений с участием роботов как субъектов права.

В поиске гражданско-правовых форм, пригодных для правового регулирования коммуникации в цифровом пространстве, как мы постарались показать, полезно вспомнить и про те познавательные структуры, которые разрабатываются в научном направлении, известном как «право и экономика». Это учение помогает преодолеть избыточный формализм традиционно частного права, образно выражаясь, «проколоть» прочную оболочку, которая делает его автономным и обособленным от других социальных наук, и, прежде всего, от экономической теории.

Библиография

- Коммонс Дж. Р. Правовые основания капитализма. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 414 с.
- Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М.: Мысль, 1989. 554 с.
- Пятков Д.В. Физическое лицо человека // Цивилист. 2012. № 1. С. 33–37.
- Спекторский Е.В. Юриспруденция и философия // Юридический вестник. 1913. Кн. 2. С. 60–92.
- Спекторский Е.В. Эдгар Вейгель — забытый рационалист XVII века. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1909. 69 с.
- Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М.: Мамонтов, 1917. 227 с.
- Chopra S., White L. A legal theory for autonomous artificial agents. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2011. 252 p.
- Dewey J. The Historic Background of Corporate Legal Personality // Yale Law Journal. 1926. N 35. P. 655–673.
- Legal Personhood: Animals, Artificial Intelligence and the Unborn. A Visa et al (eds.). Deventer: Springer, 2017. 158 p.
- Posner R. Animal Rights: Legal, Philosophical, and Pragmatic Perspectives / Animal rights: current debates and new directions / edited by .C. Sunstein (ed.). New York: Oxford University Press, 2004. P. 51–66.
- Posner R. Legal Pragmatism Defended // University of Chicago Law Review. 2004. Vol. 71. P. 683–690.

Rouland N. Les fondements anthropologiques des droits de l'Homme // Revue générale de droit. 1994. N 25. P. 5–47.

Smith B. Legal personality // Yale Law Journal. 1928. N 3. P. 283–299.

Windscheid B. Lehrbuch des Pandektenrechts. 6. Aufl. Frankfurt a. M., 1887. Verlag: Rütten & Loening, Frankfurt a. M., 1887. 936 S.

Wu T.-M. Lost in translation: the verbal change from persona to person // Comparative Legilinguistics. 2/2010. P. 141–151.

Could Robot be a Legal Subject? (In Search of Legal Forms for Digital Economy Regulation)

Gadis A. Gadzhiev

Tenured Professor, Judge, Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences. Address: 1 Senatskaya Square, Saint Petersburg, 190000, Russian Federation, E-mail: gadg@ksrf.ru

Elena A. Voinikanis

Associate Professor, Leading Research Fellow, HSE-Skolkovo Institute for Law and Development, Doctor of Juridical Sciences. Address: 28/11, Shabolovka Str., Moscow, 119049, Russian Federation. E-mail: evoinikanis@hse.ru

Abstract

In the digital age the development of robotics using artificial intelligence has reached a new scale and raises both socio-economic and legal problems. Of particular relevance in this context is the problem of the legal personality of robots, which are able to perform independent actions and to adapt to the environment. The resolution of the European Parliament on Civil Law Rules on Robotics (2017) shows that the problem has not only scientific, but also practical or applied significance. In legal science, the interpretation of the concept of a person differs depending on legal understanding. According to a “narrowly realistic” understanding of the law a robot cannot be recognized as a legal subject. On the contrary, according to the approach to the legal world as a special and self-sufficient reality, the question of the legal personality of the robot is pragmatic. The article analyzes the history of the formation of the legal concept of a person and its role in the legal concept of the world. For Roman jurists, the concept of a person (persona) meant, in the first place, a “mask”, i.e. this or that social function of a person. For them the meaning of the legal concept of a person was never identical to the meaning of the concept of the human personality. On the contrary, for European law, which was strongly influenced by philosophical ideas, the problem of confusing the concepts of the person and the human personality is quite characteristic. The authors of the article come to the conclusion that uncritical perception of non-legal ideas and theories can become an obstacle to the development of law. The law can play an active role in the development of the economy and society as a whole only by preserving its identity. Thus, the question of the legal personality of robots should be decided on the basis of a comprehensive analysis of the possible (economic and social) costs and benefits. Recognition of a robot as a legal entity is connected, first of all, with the need for more efficient allocation of responsibility. At the same time, the distribution of responsibilities is aimed at solving

not only the economic, but also the legal problem, that of balancing the interests and adapting the law to social reality. The flexibility and elasticity of civil-law concepts leads to the conclusion that the choice of a specific model of legal personality and distribution of responsibilities will depend on current needs and practices.

Keywords

legal subject; personality; legal reality; robot; legal pragmatism; law and economics.

Citation: Gadjiev G.A., Voinikanis E.A. (2018) Could be a Robot a Subject of Law (in Search of Legal Forms for a Digital Economy)? *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 4, pp. 24–48 (in Russian)

DOI: 10.17323/2072-8166.2018.4.24.48

References

Commons J. (2011) *Pravovye osnovaniya kapitalizma* [Legal fundamentals of capitalism]. Moscow: HSE House, 414 p. (in Russian)

Chopra S., White L. (2011) *A legal theory for autonomous artificial agents*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 252 p.

Dewey J. (1926) The Historic Background of Corporate Legal Personality. *Yale Law Journal*, no 35, pp. 655–673.

Legal Personhood: Animals, Artificial Intelligence and the Unborn (2017) K. Visa et al. (eds.). Deventer: Springer, 158 p.

Leibniz G. (1989) *Sochineniya v chetyrekh tomakh*. Tom 4 [Works in 4 vols. Vol. 4]. Moscow: Mysl', 554 p. (in Russian)

Posner R. (2004) Animal Rights: Legal, Philosophical, and Pragmatic Perspectives. *Animal rights: current debates and new directions*. New York: Oxford University Press, pp. 51–66.

Posner R. (2004) Legal Pragmatism Defended. *University of Chicago Law Review*, vol. 71, pp. 683–690.

Pyatkov D.V. (2012) *Fizicheskoe litso cheloveka* [Physical face of a human person]. *Tsivilist*, no 1, pp. 33–37.

Rouland N. (1994) Les fondements anthropologiques des droits de l'Homme. *Revue générale de droit*, no 25, pp. 5–47.

Smith B. (1928) Legal personality. *Yale Law Journal*, no 3, pp. 283–299.

Spektorskiy E.V. (1913) *Yurisprudentsiya i filosofiya* [Jurisprudence and philosophy]. *Yuridicheskiy vestnik*, pp. 60–92.

Spektorskiy E.V. (1909) *Edgar Veygel' — zabytyy ratsionalist XVII veka* [Edgar Weigel. Forgotten rationalist of 17th century]. Warsaw: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga, 69 p. (in Russian)

Trubetskoy E.N. (1917) *Lektsii po entsiklopedii prava* [Lectures on the encyclopedia of law]. Moscow: Mamontov, 227 p. (in Russian)

Windscheid B. (1887) *Lehrbuch des Pandektenrechts*. Frankfurt: Rütten & Loening, 936 S.

Wu T.-M. (2010) Lost in translation: the verbal change from persona to person. *Comparative Legal Linguistics*, no 2, pp. 141–151.